

дают) связана с сущностным (содержательным) их наполнением. Отличные же друг от друга характеристики названных прав проявляются прежде всего в формальном их выражении – в более детально прописанной в европейском законодательстве по сравнению с белорусским процедуре их реализации. По нашему мнению, это является позитивной характеристикой европейской законодательной формулы.

Полагаем, указанный опыт европейской парламентской традиции может быть в определенной степени имплементирован (прежде всего в формальном ее выражении) и в белорусском нормативном массиве в части реализации депутатом местного Совета своих контрольных полномочий.

Отметим, что от прав на вопрос, предложение, замечание, обращение право депутата местного Совета на запрос отличается особым статусом, содержанием и порядком реализации. Это связано с тем, что *вопрос*, в отличие от запроса, преследует лишь цель получения информации об обстоятельствах, неизвестных или неясных депутату, по своему характеру при этом менее значительных чем те, которые требуют внесения запроса данного представителя. Кроме того, вопрос ставится обычно применительно к повестке дня заседания местного Совета, а запрос может быть внесен вне зависимости от обсуждаемых на заседании вопросов. Поэтому, безусловно, право депутатов местных Советов на вопросы в этом перечне является существенным и достаточно эффективным правовым инструментом контроля представителя.

Что касается такого значимого контрольного полномочия депутата, как *обращение*, то, в отличие от запроса, белорусскими депутатами обращение адресуется вне сессии местного Совета и представляет собой изложенное в письменной форме предложение государственным органам, другим организациям или должностным лицам о предоставлении информации и (или) разъяснений по вопросам, отнесенным к их компетенции и связанным с деятельностью депутата местного Совета. Ответ на него передается непосредственно депутату, оглашению и обсуждению на сессии местного Совета не подлежит.

От замечаний и предложений депутата, которые он имеет право высказывать в процессе своих выступлений на сессии местного Совета, запрос отличается тем, что они лишь учитываются при принятии решения по обсуждаемому вопросу, информация об их исполнении предоставляется депутату местного Совета в установленном актами законодательства порядке, в частности, предложения и замечания депутата, высказанные им на сессиях местного Совета, могут быть направлены

государственным органам, должностным лицам государства, а также организациям и их должностным лицам с целью их тщательного рассмотрения. О его результатах названные уполномоченные субъекты обязаны сообщить депутатам в письменной форме, но решения местного Совета по ним не принимаются.

Подводя итоги, с удовлетворением можно признать, что в Республике Беларусь на современном этапе сложился и существует достаточно целостный и комплексный нормативный механизм, регулирующий запрос и иные контрольные полномочия депутатов местных Советов.

Разумеется, правоприменительная практика и национальное законодательство нуждаются в дальнейшем изучении и совершенствовании данной сферы общественных отношений, в том числе и на основе накопленного положительного опыта зарубежных государств в названной области. Полагаем, предложенные в нашей статье отдельные прогнозные направления совершенствования правового регулирования запроса в системе контрольных полномочий депутата в определенной степени могут стать концептуальным вектором кратко- и среднесрочной перспективы законодательного развития Беларуси в этой сфере.

УДК 34.03

Т.З. Шалаева

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Имея в виду историю зарождения идей о правах человека, влияние различных моделей экономической, социальной, правовой систем, а также религии и национального менталитета, обращает на себя пристальное внимание глобальная цифровая трансформация практически всех видов жизнедеятельности человека. В связи с чем вырисовывается задача исследования конституционных прав человека не только с позиции формационного и цивилизационного подходов, но и информационного, в последнее время называемого все чаще цифрового.

С приходом цифровых, по сути информационных, технологий возникают так называемые цифровые права. В отличие от понятия информационных прав человека понятие «цифровые права» не имеет своего терминологического определения в теоретико-правовом аспекте, хотя в научной среде понятие «цифровые права» достаточно активно

используется и классифицируется по различным критериям. Цифровые права человека возникают исключительно в цифровой среде, связанной с информационными сетями и системами, информационно-коммуникационными технологиями, электронными сервисами, облачными технологиями и искусственным интеллектом и др. В связи с чем необходимо обратить внимание на тот факт, что цифровые права реально могут существовать только при наличии у человека возможности доступа к программно-аппаратной части цифровой среды, наличия соответствующих технико-экономических условий и знаний, позволяющих эти цифровые права иметь и реализовывать. В то же время человек, имеющий цифровые права, полученные непосредственно в цифровой среде, в виртуальном мире, при выходе продолжает ими обладать и в реальной жизни. Эти права требуют защиты и правовой охраны в реальных отношениях, так называемом офлайн-формате. Следовательно, наблюдается двойственная природа цифровых прав, возникновение которых возможно лишь при доступе к цифровой среде в формате онлайн. Однако существование цифровых прав распространяется и на реальные отношения, возникающие в реальном мире. Например, за нарушение законодательства о СМИ в интернете наступление ответственности становится реальным событием.

Исходя из данного концепта, становится очевидным, что право на доступ к цифровой среде должно быть всеобщим универсальным правом человека, закрепленным в Основном Законе Республики Беларусь, ограничение которого недопустимо. В связи с этим представляется обоснованным введение другого универсального права человека, связанного с выходом из цифровой среды с полной анонимизацией цифрового профиля человека. Это право на полное забвение, право на удаление всех цифровых следов пребывания человека в цифровой среде.

И в данном контексте важнейшей проблемой современного мирового порядка является так называемое цифровое неравенство или цифровой барьер, пропасть, разрыв (*digital divide*), ограничивающий возможности определенной социальной группы, отдельного человека к доступу к современным цифровым достижениям человечества.

Основой международных стандартов по правам человека стала, безусловно, Всеобщая декларация прав человека 1948 г., которая дала импульс для развития свода международных норм в области прав человека. Права и обязанности человека изложены в ряде договоров и других документов, а их выполнение поддерживается и контролируется через систему договорных органов. Всего принято ООН девять важней-

ших международных документов по правам человека, основными из которых являются: Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. и др.

Международное состояние права в сфере прав человека в современных условиях цифровизации характеризуется наличием международных документов, которые можно условно сгруппировать по существующим моделям регулирования на европейскую, китайскую и американскую.

Доктринальные подходы к теории прав человека в условиях цифровой трансформации формируются как в правовых системах (англосаксонской, религиозной, традиционной, романо-германской). Фактически в каждой стране консолидируется массив правовых знаний, направленных на введение эффективных юридических регуляторов отношений, связанных с установлением и реализацией конституционных прав человека в условиях цифровизации общества и государства.

Исследуя теоретико-правовые подходы зарубежных государств, отметим, что в мировой практике, как правило, данный процесс оформляется посредством, во-первых, легитимации интернета в качестве универсальной и общедоступной услуги, например, в Эстонии, Испании; во-вторых, признания права на доступ к интернету конституционным правом, как это закреплено в Греции, Португалии; в-третьих, установления права на доступ во Всемирную информационную сеть высшими судами, например, во Франции, в Коста-Рике.

Неоспоримо, что важнейшим элементом цифровой среды является интернет, как глобальная автоматизированная информационная система планетарного масштаба с децентрализованным управлением и бесконечными вариациями содержания и наполнения, активно влияющий на право в целом и на права человека в частности.

В пандемийные годы резко возросло значение цифровизации всей планетной жизни во всех человеческих проявлениях практически во всех странах, что значительно повысило внимание к правам человека в сетевой сфере, правовой охране и защите прав и свобод человека в интернет-пространстве.

Кроме того, острой является проблема теоретико-правового осмысления категориального аппарата прав человека в цифровых условиях, видовой классификации цифровых прав человека, развития и закрепления на международном и национальном уровнях основных цифровых

прав человека: право на доступ к цифровым сетям либо иной цифровой среде, право на выход из цифровой сети и забвение, право на защиту от вредной и опасной информации, право на конфиденциальность и защиту персональных данных, право на цифровые общественные блага, что позволит принять конкретную как международную, так и национальные стратегии цифрового устойчивого развития, исключив цифровое неравенство посредством введения международных и региональных стандартов.

При исследовании прав человека в условиях цифровых трансформаций жизнедеятельности человека приходим к выводу о необходимости выделения и классификации устойчивых групп однородных прав как публично-правового, так и гражданско-правового характера. Правовая природа прав человека не вызывает больших дискуссий, так как общепризнанным является их конституционно-правовое происхождение. Но, несмотря на публично-правовое происхождение прав человека, безусловной признается практически всем международным сообществом существенная связь прав человека с частным правом.

При внедрении в жизнь современных цифровых технологий при широком декларировании новой Конституцией Республики Беларусь прав и свобод человека и гражданина юридическая незащищенность остается очевидной. Существующая на сегодня ситуация требует разработки концепции по развитию системы белорусского законодательства в области защиты прав человека в сфере цифровых технологий.

УДК 34:004

В.А. Шаршун

ЦИКЛИЧЕСКИЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ МАССИВЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Формирование информационного общества, внедрение новых информационных технологий приводят к возникновению ранее неизвестных общественных отношений, которые требуют правового регулирования. Эти отношения возникают в различных отраслях права. При этом требуется не только внесение изменений в отдельные нормативные правовые акты. Происходят изменения структуры системы права, что непосредственно влияет на ее характеристики. Как справедливо отмечает Д.А. Пашенцев, право в цифровую эпоху неминуемо меняет форму и в значительной мере содержание. Но все равно оно останется правом,

которому присущи его базовые признаки – общеобязательность, нормативность, формальная определенность, гарантированность государством, системность. Сущность и природа права должны оставаться неизменными.

Ряд исследователей отмечают появление в последнее время в праве новых нетипичных образований – циклических правовых массивов, которые не проявляют тенденции к обособлению, в отличие от отраслей права, но, напротив, проникают во все отрасли и иные элементы системы права.

В частности, российский юрист Т.Я. Хабриева исходит из недостаточности традиционного подхода к категорированию существующих в праве нормативных массивов (например, по отраслям) и предлагает идею циклических нормативных массивов в праве. Такие правовые массивы были названы «циклическими» по причине сходимости их визуализированной модели с химическими соединениями, образованными в результате реакции циклизации. Первичным элементом этих массивов являются так называемые кросс-отраслевые юридические нормы, которые занимают особое место внутри системы права, создают в ней специфические связи. В своем развитии они не проявляют тенденции к обособлению как, например, отрасли или институты права, а, наоборот, показывают способность проникать в большинство элементов системы права, взаимодействуя с ними, определять их содержание и функционирование.

В качестве примера обычно приводится антикоррупционный циклический правовой массив. Нормы о противодействии коррупции нашли свое отражение не только в уголовном и административном, но и в гражданском, трудовом, образовательном, финансовом и других отраслях законодательства. В циклических правовых массивах основные институты закреплены в базовом законе, а прочие отрасли права и законодательства наполняются соответствующими предписаниями, направленными на решение общих задач совершенствования правового регулирования. По существу, происходит перенастройка права на достижение определенных значимых для общества и государства целей, решение соответствующих им задач и удовлетворение необходимых потребностей.

По мнению Т.Я. Хабриевой, Н.Н. Черногора, познание роли и значения циклических правовых массивов в праве, его системе, механизме действия и др., вероятно, может привести к разработке новых способов преодоления юридических коллизий между нормами, входящими в различные циклические образования, а также между нормами одного и того